

**Б.М.Фирсов,
доктор философских наук,
Европейский университет,
С.-Петербург**

Куда идет российская культура?

В своих заметках о современной гражданской культуре России Ю.А.Левада писал о следующем. Конденсат исторических событий, имевших место между 1988 г. и 1995 г. (всеобщий энтузиазм перестроечной поры, падение М.Горбачева, августовский путч 1991 г., триумф демократов, пришедших к власти, "девятый вал" этнических конфликтов, схватка двух ветвей власти осенью 1993 г., рост популярности коммунистов и националистов, позорная и кровавая война в Чечне) привел к радикальным трансформациям всех институциональных систем. Структурные сдвиги продолжаются и до настоящего времени.

¹ Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 236.

Параллельно с этими сдвигами произошли коренные изменения в состояниях массового сознания под влиянием ломки привычных установлений и бесконечных перетасовок элит. Общественное воодушевление, вызванное перестроечными ожиданиями, сменилось сначала замешательством, а затем растущим общественным разочарованием, способным теперь серьезно воспрепятствовать становлению рыночной экономики и демократии¹.

В справедливости этого тезиса нас убеждают Санкт-Петербургские данные, полученные путем изучения культурных предпочтений жителей города (еще недавно имевшего репутацию "бастиона реформ") и восприятия ими современных российских преобразований²:

1. Сложившиеся культурные образцы укоренены в недавней советской и более отдаленной от нас временем российской истории, и потому рынок и демократия встречают серьезное сопротивление со стороны российских социально-экономического и социально-политического генотипов. Реформы, по другому выражению, противостоят в этом случае реальности;

2. Более гибкий подход призывает не пренебрегать итогами модернизации страны. Развитие индустриального общества не могло не привести к появлению сегментов населения (молодежь, образованные слои), которые не желали жить в условиях авторитарной власти и административно-командной экономики. В опоре на поддержку этих сегментов Россия уверенно встала на путь радикальных преобразований;

3. Еще одна точка зрения состоит в том, что рациональный выбор, который имеет место в процессе модернизации, связан не столько с возможностями в полной мере разделить либеральные позиции и взгляды, сколько с условиями их реализации на практике. Указанные возможности ныне существуют. Более того, как показывают исследования, заметная часть представителей младших поколений и образованных слоев (при условии, что многие из них и по сей день не выиграли в результате реформ) склонны активно поддерживать рыночную экономику и демократические институты. Однако преобладающая часть общества под давлением материальных лишений и вследствие низкой эффективности власти относится к реформам негативно, уменьшая этим шансы на их успешное продвижение.

Каждый из названных подходов обладает вполне определенным объяснительным потенциалом и опирается на обоснованные эмпирические факты. Процесс демонтажа старой российской и со-

¹ Russian Culture at the Cross-Roads. Ed. by D.N. Shalin. Las Vegas- Westview Press, 1996. P 299—300.

² Сафронов В., Бурмыкина О., Корниенко А., Нечаева Н. Российская культура и отношение граждан к общественным преобразованиям. СПб., 1998. С. 2—5 (рукопись).

ветской традиции и замена ее демократической культурой гражданского общества будет крайне напряженным. *В связи с этим уместен вопрос: "Куда идет российская культура?"*

Обращаясь прежде всего к исторической динамике советской и постсоветской культуры, полезно соотнести эту динамику с действиями партии и государства и тем самым обозначить все социальные опасности принудительных регулирующих воздействий на культуру "сверху", которым она подвергалась на протяжении нескольких десятилетий. Как бы высоко мы ни оценивали отдельные культурные достижения и завоевания СССР, общий вывод остается пессимистическим. Превращение культуры в "служанку политики" (В.И. Ленин) сделало ее крайне консервативной. Здесь не оказался спасительным прием противопоставления гуманистического марксизма сталинским "искривлениям", к которому партия прибегла в последний период своего владычества. Те, кто страдали от удушья жизни, составляли меньшинство, — замечает И. Кон¹. Большинство населения оказалось не готово к радикальным переменам, к самоизменениям, к "примерке и ношению" новых идентичностей. Примитивная уравниловка, страх конкуренции, бюрократическая ментальность, примат обязательств перед государством вместо акцентирования внимания на индивидуальных правах, господство лозунга "одна партия, одна правда, один лидер" было питательной средой для личности авторитарного типа, не допускавшей возможности сомнений и внутренне настроенной против качеств, без которых нельзя адаптироваться к быстрым социальным изменениям (осознание сложности мира, интеллектуальная терпимость, способность к выбору в условиях свободы).

Однако возможно и более свободное понимание культуры, которое восходит к идеям творца структурной антропологии Леви-Стросса и введенному им понятию "горячей" и "холодной" культуры. Первая из них "вся сосредоточена на открытии необычного, для нее главное — не повторить уже пройденное"; вторая же "занята учреждением Олимпа, ценности которого постоянны"². Их противоборство, конфронтация лежит в основе движения культуры в ту или иную сторону. И потому не столько вожди или иные влиятельные персонажи двигают культуру в ту или иную сторону, сколько само движение, игра, в которую вовлечены побуждения к интересам людей, оказываются первичными по отношению к усилиям отдельных властных субъектов. Отталкиваясь от этого, В. Паперный представил культуру первых трех десятилетий СССР через бинарную оппозицию двух культур — k_1 и k_2 , исходные свойства которых связаны: для k_1 — с превышением значения периферийных цен-

¹ Russian Culture at the Cross-Roads. P. 192—193.

² Паперный В. Культура Два. М., 1996. С. 5,

ностей по отношению к центральным (ситуация при которой общество "растекается"), для k_2 — с перемещением ценностей в центр (ситуация, когда общество застывает, кристаллизуется)¹.

Например, k_1 провозглашает обрыв связей с прошлым, хочет быть точкой начала, откуда все начинается заново и на пустом месте. "Во имя нашего Завтра — сожжем Рафаэля", — провозгласит пролеткультовский поэт В.Кириллов. В.Маяковский подарит ему за это книгу с надписью "однополчанину по битвам с Рафаэлем". Еще один императив k_1 — нетерпение в ожидании наступления будущего. Не в пример этому, k_2 отодвигает будущее. Здесь начальный момент будет уже не исходной точкой истории, а скорее ее завершением, финалом². K_2 ничего не сжигает, но превращает созданное в памятники истории. Вспомним, что "Краткий курс истории ВКПб" считался каноническим документом сталинской эпохи.

Или k_1 освобождает себя навсегда от покоя, предлагая считать идеалом "землю — дыбом". Кг, напротив, несет в себе меры против расползания населения страны, предпринятые начиная с 30-х годов: взыскания за "переманивание" рабочей силы, борьба с ее текучестью, введение паспортов, учет специалистов с высшим образованием, трудовые книжки, запрет на самовольный уход с работы и, как венец творения, отдача под суд за 20-минутное опоздание на работу³.

Можно сказать в качестве вывода, что консерватизм кг, сконструированной на советских культурных образцах 30—50-х годов, победил радикализм k_1 , сконструированной на образцах 20-х годов.

Нечто подобное происходит и в обширном пространстве постсоветской культуры. В ней явно выделяется одна часть (k_1), которая ориентирована на изменения в обществе под лозунгами и знаменами революции, модернизации, вынужденного перехода, трансформации, контактов с миропорядком, построенным на основе либеральных идей, и др., а также другая часть (кг), которая берет на себя роль социально-культурного тормоза, амортизатора радикальных перемен⁴. Здесь k_1 отразит наше нынешнее фактическое существование, реальность, в которой мы пребываем, тогда как кг будет ориентирована на уклонение от этой реальности, намеренное и тщательное табуирование многих ее сторон. Разумеется, что действие этих оппозиций сдвинуто во времени. Изменение как некоторое возмущение социально-культурной среды должно быть значимым по своему масштабу, чтобы вызвать действие тормозящей это изменение силы.

Известно, например, что потребовалось время, прежде чем наступил период застоя в середине 70-х годов. В значительной сте-

¹ Паперный В. Указ. соч. С. 20.

² Там же. С. 43.

³ Там же. С. 60—63.

⁴ Дондурей Д. Кому выгодна эта безнадега? // Знание — сила. 1997. № 9. С. 17.

пени я бы объяснил это тем, что разрыв с прошлым (с традиционной русской культурой), который был провозглашен и достигнут в период квазимонолитической тоталитарной культуры 20-х годов, не мог сохраняться слишком долго¹. В период временного господства раннебольшевистских ценностей не принимались во внимание такие глубинные (евразийские) архетипы, как патернализм, опора на "своих", использование подкупа и взятки в качестве действенного механизма регулирования экономических отношений и даже, будем справедливы, проявлялась терпимость сначала к политическому плюрализму, а затем к экономической состязательности в период нэпа. Вся последующая история (вплоть до начала перестройки) проходила в условиях авторитарного политического режима и была демонстрацией, если не торжества, то живучести механизмов внеэкономического принуждения, на базе которых произошла коррозия плановой экономики и замена ее теневой экономикой как системой. Естественно, что при этом никакая конкуренция (будь то политическая или экономическая) не допускалась. СССР продолжал существовать, и в последние годы своей истории обладал весьма уникальной поддерживающей социальной порядком культурой (кг), которая умела гасить дестабилизирующие тенденции и не знала до поры до времени поражений.

В периоды социальных сдвигов важно отслеживать не только и не столько то, что меняется, сколько то, что остается неизменным. Мысленные игры, воображаемые отталкивания и притяжения K_1 и K_2 позволяют, в частности, понять причины, в силу которых в период кризисов общество неизменно обращается к социокультурным традициям. Названные ветви культуры существуют в разном времени². K_1 использует иллюзию ускоренного политического времени, проявляет нетерпеливость в стремлении приблизить желанный результат, прибегая к мифологии ускорения, подкрепленной завораживающими числами — 20 лет для построения коммунизма в одной отдельно взятой стране, 500 дней для осуществления базовых экономических преобразований, переходу к рынку с человеческим лицом и т.д. K_2 , напротив, апеллирует к социально-культурному времени. Помимо того, что это время будет отличаться большей длительностью, его ритмы окажутся более "привычными", опирающимися на опыт предшествующих поколений, сложившиеся традиции. Отсюда только совпадение ритмов политической и культурной жизни дает возможность обществу обрести "второе дыхание", испытать состояние подъема основных сфер жизнедеятельности. В

¹ Фирсов Б.М. Историческая динамика развития советской и постсоветской культуры // Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика. М., 1998. С. 70—78.

² Василенко И.А. Политическое время на рубеже культур // Вопросы философии. 1997. № 9. С. 53—56.

этом случае традиции не противостоят политическим целям, а, напротив, служат им.

В перестроечную и послеперестроечную пору κ_1 соучаствовала в процессе учреждения рыночной экономики "сверху". Однако внутри нее отсутствовали необходимые юридические, этические, технические, организационные стимулы и предпосылки, правила и регуляторы. Ввод в действие полноценной рыночной структуры не состоялся. Более того, из-за отсутствия предпосылок этот ввод оказался отложенным. То, что κ_1 сумела предложить в сфере экономики, по оценкам одних, может быть, названо честным, но бездуховным, хотя и рассудочным, космополитическим либерализмом¹, а по оценкам других — хаотичным, неясным, невнятным. Считается, пишет Л.Невлер, что постсоветская экономика будет развиваться в сторону рыночных механизмов и отношений, но наблюдения показывают, что это необязательно так "Социальное бессознательное" может утянуть нас в сторону двойственной, родной нашей экономики с преобладающим действием латентных механизмов².

κ_2 , верная своему предназначению (тормозить слишком радикальные изменения исходя из необходимости сохранения статус-кво, а также дать время для усвоения азбуки ведения рыночного хозяйства), ведет ныне сложную игру с императивами κ_1 . Вектор этой игры остается непостоянным как по своей величине, так и по направлению. Неуспех в становлении рыночной экономики имеет своим следствием усиление пропаганды извращенной духовности, национальной вражды, насилия, антирыночных ценностей, апелляций к социалистической перспективе, социалистическому выбору, попыток реинкарнации, перевоплощения, казалось, безвозвратно ушедшей в прошлое системы. Когда Г.Зюганова, лидера КПРФ, влиятельные американцы спросили в Кеннановском институте, чем он может объяснить "афронт" — мгновенный развал партии, состоявшей из 18 млн коммунистов, он ответил, что в нынешней КПРФ сейчас 600 тыс. человек и она сильна как никогда³.

Говоря о сфере демократии, укажу на то, что и до сих пор κ_1 не несет в себе явных признаков демократического темперамента (Дж.Дьюи), без которых демократические институты не пускают корней или, пустив корни (как это имеет место в современной России), плохо, болезненно приживаются. Демократия воплощается не только в законодательных актах, но в равной степени в чувствах, привычках, эмоциях и действиях членов общества, граждан, индивидов. Полагаю, что этому предшествует усвоение либеральных

¹ Померанц Г. Разрушительные тенденции в русской культуре // Новый мир. 1995. № 8. С. 140

² Невлер Л. Тезисы о плутовской экономике // Знание—сила. 1997. № 9. С. 26.

³ Найман А. Славный конец бесславных поколений. М., 1998. С. 180.

идей. Но население в своей массе до сих пор не имеет развитых представлений о демократии, в частности по-прежнему верит в пассивные социально-экономические права, существовавшие при коммунистах, отдавая предпочтение правам на образование и социальное обеспечение (64%), праву на хорошо оплачиваемую работу (49%) и, как контраст, невысоко ценит свободу слова (18%), право на получение информации (8%). Налицо высокий когнитивный вакуум. Знания, которые могли бы составить основу ориентирующей практику сознания, у многих людей отсутствуют¹. Я позволил себе эту ссылку только лишь потому, что примерно такая же размытость представлений о правах была обнаружена более 20 лет назад при изучении отношения работающего населения Ленинграда к проекту Конституции брежневской эпохи. Меняются названия Основного закона — Конституция победившего социализма (1936), Конституция развитого социалистического общества, строящего коммунизм (1977), Конституция победившей демократии (1992), — но грех российского неведения остается не отмоленным.

Задача κ_2 , в частности, состоит в определенной дискредитации новых субъектов (акторов) исторического процесса — демократов и новых русских. Здесь бы следовало зафиксировать расцвет закулисных игр, политического шантажа, компромата, подкупа политических оппонентов и их сторонников, появление новых избирательных технологий. Уже один перечень этих явлений говорит сам за себя. Плутводство, подтасовки, коррупция, фальшивая статистика, сохраняя свой боевой порядок, из сферы экономических переместились в сферу политических отношений и получили там постоянную прописку. Теперь эти феномены — органическая часть современной политической культуры, что убедительно подтверждено перипетиями недавней борьбы за места в Законодательном собрании С.-Петербурга. "Белая книга" этой борьбы могла бы многое объяснить в понимании трендов развития постсоветской политической культуры. Это развитие все сильнее зависит от качества культуры, поддерживающей реформы, и сопротивления, которое ей оказывает культура контрреформ. Полагаю, что ни та, ни другая себя не исчерпали. Однако κ_2 как сила социально-культурного торможения пока одерживает верх. Отсюда и собираемые эмпирические данные имеют двойное происхождение. Едва ли не каждый респондент находит повод отстаивать способ существования, который он застал, придя в этот мир, но вместе с тем каждый из респондентов не может игнорировать развитие цивилизации, которая все настойчивее предлагает России свои вызовы.

¹ Дилигенский Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. Осень. С. 15.

Итак, оказывается κ_1 (акселератор изменений) и κ_2 (тормоз изменений) находятся в некотором пока не нарушаемом соотношении, которое гасит усилия, связанные с реформированием российского общества. Идет ли в этом случае речь об особом жизнеустройении России, препятствующем ее обновлению, или, напротив, иррационализм здесь ни при чем, поскольку, имеются шансы на изменение направления и величины рокового вектора исторического процесса? Тема симпозиума и его атмосфера призывают к поиску рациональных решений для преодоления кризисов с различной временной протяженностью. Именно поэтому я не поддаюсь соблазну и не стану ссылаться на Бермудский треугольник — живучесть язычества, непостижимость России, ее неподвластность уму инородного Запада.

Мне кажется, что общество уходит от плена мифов и тем самым стремится как бы "переналадить" механизм культуры. Обошлось же без мифов диссидентское движение. Действуя в рамках единого информационного поля, фактически созданного путем нелегальной издательской деятельности (самиздат), это движение стало первой, хотя и далекой от совершенства, моделью микрокосма гражданского общества. Правила игры (поведение) здесь стали культуuroобразующим фактором. Подчеркнем важность (сходство) биографий диссидентов — протестная деятельность — репрессии и специфический синтаксис в неволе. Каждый их поступок был обязательно направлен на кого-то. Диссидент имел три круга общения — его непосредственная среда, личные друзья и окружение на службе. Круги не совпадали, включая первый и второй. Испытывая при этом определенный дискомфорт, диссидент предпочитал не навязывать идеалы своей деятельности. Демонстрировать публично ее линию, как пример для других, многим казалось делом нескромным и сомнительным. Не случайно часть диссидентов покоробил призыв А.Солженицына "Жить не по лжи!": в условиях вегетарианского тоталитаризма этот призыв невозможно было соблюсти. Ложью были пронизаны все виды общественных отношений, начиная от участия в голосовании, где всенародно одобрялась какая-нибудь очередная мерзость, и кончая сдачей экзаменов по марксизму-ленинизму или выходом на коммунистический субботник. В обобщенном виде культура диссидентства — культура поступка, а не нормативного текста (ведь движение объединяло почвенников, западников, коммунистов, монархистов, националистов, безыдейных художников). Большинство участников не предполагало никаких реальных последствий своей общественной активности в обозримом историческом будущем. Ферментом их активности был экзистенциальный протест¹.

¹ Даниель А.Ю. Диссидентство: Культура, ускользающая от определений // Россия / Russia. Новая серия / Под ред. Н.Г.Охотина. Вып. 1 [19]. М., 1998. С. 111—124.

Здесь бы стоило вспомнить и русскую классическую литературу, которая успешно развенчивала представление о непостижимости России, подвергнув десакрализации едва ли не все установления и институты: "от помещиков и чиновников (Н.Гоголь), государства и церкви (Л.Толстой), купечества (К.Островский), интеллигенции и

ной массы. А. Найман в своем исповедальном сочинении сказал весьма примечательную вещь. "Поэт не тот, кто подхватывает его (языка. — Б.Ф.) изменения, а тот единственный, кто знает, каков язык в каждую минуту и чьи знания — закон для говорящей толпы. Он не учит языку. Но как родитель, что-то говорит над колыбелью нации, и через некоторое время языком становится то, что нация усвоила через него и применяет к своим надобностям. Он — санитар языка, промывает его лепет, косноязычие, очищает от омертвевших гниющих тканей — как дерево, перерабатывающее углекислый газ в кислород"².

¹ Кантор В.К. О национальном мифе непонимания // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 38.

² Найман А. Указ. соч. С. 503.